

Безжалостный свет бестеневой лампы постепенно мерк, а резкий, протяжный писк кардиомонитора, казалось, доносился сквозь толщу воды, становясь всё тише и дальше. Последнее, что осознал Су Чэ, — это холодная поверхность операционного стола и острая, разрывающая боль. Боль не пациента, а его собственная.

Какая ирония. Самый молодой и талантливый эксперт в кардиохирургии погиб от внезапного расслоения аорты прямо в своей родной операционной.

Темнота. Бесконечная пустота.

А затем иная, более осязаемая и мучительная боль вырвала его из этого небытия.

Холод. Пронизывающий, ледяной, словно его нагишом бросили в погреб.

Боль. Казалось, все кости в теле раздробили, а потом кое-как сложили обратно. Каждый вдох отдавался в груди нестерпимым жжением.

Смрад. В нос ударил невыносимый запах — смесь пота, гнили, экскрементов и запекшейся крови, от которой перехватывало дыхание.

Су Чэ резко открыл глаза и зашелся в приступе удушливого кашля. Перед глазами плыло, легкие хрипели, словно порванные мехи.

Увиденное заставило его замереть, забыв даже о кашле.

Никаких ламп, никакого запаха антисептиков, никакой современной операционной.

Лишь серое небо, с которого сеялся холодный дождь. Грязная, раскисшая земля, в лужах которой отражались лица людей — серые, опустившиеся, лишённые всякой надежды. Вокруг — убогий деревянный часток, у которого лениво прохаживались стражники в рваных доспехах, сжимая в руках копья и поглядывая на пленных с равнодушным презрением.

Сам он лежал в этой грязи, одетый в лохмотья, в которых с трудом угадывалась арестантская роба. Ткань была настолько тонкой, что совершенно не защищала от холода. На запястьях и лодыжках — тяжелые деревянные колодки, протершие кожу до крови, которая смешивалась с грязью, превращая всё вокруг в месиво.

— Где... где я? — попытался он спросить, но горло пересохло, и вместо слов вырвался лишь хрип.

Это не его тело! Эта слабость, эта боль, эта чужая обстановка...

Внезапно голову пронзила острая боль, и в сознание хлынули обрывки чужих воспоминаний.

Су Чэ... то же имя. Семнадцать лет. Отец — мелкий чиновник шестого ранга в столице, чью семью лишили имущества из-за сфабрикованного дела о мошенничестве на экзаменах. Мужчин приговорили к ссылке за три тысячи ли в суровый Бэйцзян. Прежний владелец тела был слаб здоровьем, не выдержал тягот пути, голода и холода и только что испустил дух.

Переместился?

Как современный врач, прошедший строгую научную школу, Су Чэ испытал глубочайшее потрясение. Он даже до крови прикусил язык — резкая боль и вкус железа во рту ясно дали понять: это не сон и не предсмертная галлюцинация.

Он действительно стал ссыльным рабом в некой династии Да-Инь, которой не было в учебниках истории. Путь в Бэйцзян, уровень сложности — ад: тяжелые раны, истощение, жуткие условия и окружающие, которые только и ждут смерти.

Нужно выжить!

Инстинкт самосохранения подавил шок. Он быстро взял себя в руки и, как профессиональный медик, начал оценивать свое состояние.

Переохлаждение, сильное обезвоживание, истощение, множественные ушибы, раны от колодок воспалены, возможно, сломаны ребра... Если не принять меры, эта вторая жизнь оборвется через пару дней.

Он с трудом повернул голову, осматриваясь. Опыт полевой хирургии позволил ему распознать среди сорняков подорожник и одуванчик. Противовоспалительное, жаропонижающее — эффект слабый, но лучше, чем ничего.

С огромным трудом, скованный колодками, он выкопал корни, смешал их с дождевой водой и проглотил. Горечь наполнила рот, но это дало крошечный шанс на жизнь.

Он заметил острый обломок камня и, пока стражники не видели, начал медленно тереть веревку на запястьях, пытаясь освободить хоть немного пространства для кровообращения.

Эти движения выглядели странно среди безжизненной толпы ссыльных.

— Глянь на этого... с ума сошел? Корни жрет? — прохрипел сосед по колодкам, усмехаясь.

— Побереги силы, — ответил тот равнодушно. — Все мы скоро сдохнем.

Один из стражников, заметив возню, подошел, замахнувшись кнутом:

— Чего копаешься! Падаль, а ну смирно!

Кнут со свистом опустился на спину Су Чэ. Он инстинктивно сжался, приняв удар на себя. Боль была адской, но, подняв голову, он посмотрел на мучителя не со страхом, а с пугающим спокойствием:

— Господин... я просто хочу жить. Если выживу, возможно... возможно, когда-нибудь смогу отплатить вам...

Стражник опешил. Глаза этого арестанта были слишком чистыми и ясными, совсем не как у покойника. Он сплюнул:

— Отплатить? Тьфу! Дрянь подзаборная, чем ты отплатишь! — хоть он и выругался, кнут больше не опускался, и стражник отошел.

В этот момент издалека донесся топот коней, и земля мелко задрожала.

Стражники мгновенно выпрямились, сбросив лень, их лица стали напряженными и подобострастными. В рядах ссыльных поднялся ропот.

— Это... это отряд Ванье!

— Быстро! На колени! Головы вниз! Не смей смотреть! — рявкнул старший стражник, первым падая в грязь.

Су Чэ потянули за плечо, заставляя встать на колени. Ледяная жижа пропитала одежду. Он с трудом поднял голову, вглядываясь сквозь пелену дождя.

Отряд конницы в черных доспехах пронесся мимо, словно поток стали. Знамена с грозным иероглифом Сяо развевались на ветру. Дисциплина и исходящая от них аура смерти в одно мгновение раздавили безнадежность этого места.

Впереди, на великолепном черном скакуне, сидел человек, прямой, как сосна.

На нем не было лат — лишь черная парчовая мантия с темным узором и такой же плащ. Но холод и властность, исходявшие от него, были страшнее ледяного дождя. Лица было не разглядеть, лишь четкую линию подбородка, сжатые губы и взгляд, который, казалось, пронзал холодом даже на расстоянии.

Отряд не остановился. Ванье даже не взглянул в сторону ссыльных — для него они были лишь ничтожными букашками на обочине.

Однако в тот момент, когда всадники проезжали мимо, Су Чэ, пытаясь облегчить боль в коленях, качнулся. Капля крови из новой раны, смешанная с грязью, упала в лужу, окрасив её в едва заметный красный цвет.

В этот же миг он не сдержал тихий, сдавленный кашель.

Сяо Юй, сидевший в седле, краем глаза уловил этот блик крови и увидел молодого арестанта, который, в отличие от остальных, держал спину прямо.

Слишком слаб, казалось, вот-вот испустит дух.

Но этот взгляд... мимолетное видение сквозь дождь. В нем не было привычного отчаяния или подбострастия. Только холодный блеск, подобный звезде в снежной пустыне — упрямое желание жить.

Рука Сяо Юя, сжимавшая поводья, почти незаметно дрогнула.

Конь пронесся мимо.

Черный силуэт не оглянулся, словно этой заминки никогда не было.

Холодный дождь продолжал идти. Стражники выдохнули, поднялись и, вернувшись к своей жестокости, погнали ссыльных дальше.

— Встать! Живо, проклятые твари! — снова засвистел кнут.

Су Чэ грубо подняли. Тяжелые колодки не давали стоять ровно. Раны болели, холод пробирал до костей, а путь был бесконечен.

Но в памяти навсегда отпечатались эти ледяные, пронзительные глаза.

Ванье... Сяо Юй?

Он запомнил это имя.

Жажда жизни еще никогда не была такой сильной. Он не просто выживет. Он выяснит, в чем заключалось преступление его семьи, и поймет, станет ли этот холодный Ванье — человек, подаривший ему мимолетное ощущение опасности и надежды — его гибелью или ключом к

спасению.

Он поплелся вперед, каждый шаг по грязи отдавался болью, словно он ступал по лезвиям ножей.

Ветер в Бэйцзяне, казалось, стал еще холоднее.

<http://bllate.org/book/18642/1795433>